Н. В. НОВИКОВ

О СОСТОЯНИИ СКАЗОЧНОЙ ТРАДИЦИИ В БЕЛОЗЕРСКОМ КРАЕ

Цель фольклорной экспедиции, организованной Сектором народного творчества Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР при участии кафедры русской и зарубежной литературы Вологодского государственного педагогического института, состояла в том, чтобы выяснить современное состояние фольклорной традиции, главным образом сказочной, в Белозерском крае, точнее — в Кирилловском и Вожегодском районах Вологодской области, где летом 1909 г. проводили собирательскую работу братья Б. М. и Ю. М. Соколовы.[1]

Многое, очень многое из того, что наблюдали в жизни Белозерского края полстолетия тому назад и о чем писали братья Соколовы во вступительной статье к своему замечательному сборнику,[2] отошло в далекое прошлое. Революция и пореволюционные годы внесли коренные изменения в экономику и культуру этого края и до неузнаваемости изменили облик северной деревни. Нищим, темным, забитым, оторванным от городских центров предстал Белозерский край перед братьями Соколовыми. В деревнях еще встречались черные и курные избы; население ходило в берестяных лаптях и домотканной «своедельщинной» одежде; из продуктов питания лакомыми и наиболее любимыми блюдами считались рыбник (нередко с тухлой рыбой), овсяный кисель и соломатка, чай был малодоступной роскошью и многими употреблялся только по праздникам. Во внутреннем быте белозерского крестьянина господствовали патриархальные отношения. Неимоверно тяжелым и изнурительным был сельско-

---

[1] В состав экспедиции входило 8 человек: от Института русской литературы — Н. В. Новиков (руководитель) и С. Н. Азбелев, от Вологодского пединститута — М. А. Вавилова и студенты-филологи 1-го курса: Н. Долотова, Н. Кожина, Д. Матросова, Л. Удисман и И. Юшманова. Экспедиция работала в июле 1962 г. и обследовала следующие населенные пункты: Шидьера, Ферапонтово, Яршево, Бяковское, Теряево, Дергаево, Щелково, Узково, Шишкино, Лёушкино, Оденьево, Загорье, Лещово, Гречуха, Лукинское, Окулово, Белоусово, Устье, Поповка, Березник, Федотово, Борисовка, Бритово, Перегородино, Гриткино, Починок, Глубокое, Мелкое, Коварзино, Брунниково, Ивашково, Олюшино, Гридино, Роговская, Олютинская. Зуево, Бараково, Андреевская, Ромашово, Скрябино, Никульское, Никольское (Большое Заречье), Анисимово (Малое Заречье), Зуево, Курицыно, Филатово, Конечное, Строкавино, Ягрыш, Андреевское, Прокуфинское, Покровское, Тигино, Мытник, Кутилово, Кингатома. Начиная с дер. Олютинская экспедиция работала в составе двух человек (Н. В. Новиков и С. Н. Азбелев), остальные ее участники, располагая более ограниченным временем, должны были возвратиться в Вологду, обследовав дополнительно на обратном пути деревни в районе г. Кириллова — Бродава, Нила Сорского пустынь, Вогнима, Жохово, Быково, Вознесенье. Большое количество населенных пунктов, которые нам удалось посетить в сравнительно короткий срок (20 дней полевой работы), объясняется тем, что экспедиция в основном носила разведывательный характер.

[2] Б. и Ю. Соколовы. Песни и сказки Белозерского края. М., 1915.

хозяйственный труд. Вручную расчищались от леса и камней «лядины» и обрабатывались «больше сохою, много реже плугом».[3] Несмотря на некоторое внешнее влияние города, умственный кругозор белозерского крестьянина оставался узким, ограниченным. «Замкнутые, переживающие внутри себя и горести и надежды, далекие от общения с образованными людьми, — писали Соколовы, — крестьяне живут своими особыми представлениями о мире».[4] И не приходится удивляться тому, с какой подозрительностью, недоверием и недоумением встречал деревенский люд «моськовских» собирателей, задавая им наивные вопросы вроде следующих: «А што у вас в Москве навозница отошла?» — или настойчиво утверждая, что фонограф — это не что иное, как «цёрт».[5]

Что же увидели мы в Белозерском крае пятьдесят лет спустя? В целом деревенская жизнь Белозерья в наше время имеет массу типичных черт, свойственных любой советской колхозной деревне вообще. Как в экономическом, так и в культурном отношении она значительно подтянута к городу. Белозерца не удивишь ни радио, ни кино, ни даже магнитофоном, впрочем к последнему он проявляет повышенный интерес, поскольку получает возможность записать и воспроизвести свой голос. В связи с поднятием общего культурного уровня населения изменилось и его отношение к собирателям и их труду. В своей практике мы только два-три раза столкнулись с людьми, которые под тем или иным предлогом отказывались от исполнения.

Как нам удалось установить из многочисленных встреч и бесед с деревенскими жителями, современная жизнь в этих местах не может идти ни в какое сравнение с дореволюционной. Что касается послевоенного периода, то экономическое положение каждой семьи особенно улучшилось за последние 3—4 года. Однако наряду с безусловно положительными моментами мы столкнулись и с отрицательными, с недостатками и трудностями деревенской жизни. В этой связи необходимо указать на значительную убыль сельского населения, особенно в военные и послевоенные годы. Утечка молодежи, правда, не в таком размере, как прежде, не прекратилась и в настоящее время. В крае по-прежнему в неудовлетворительном состоянии находятся дороги. По некоторым из них в летнее время (и то с большим трудом) могут пробираться только тракторы. Район Пунимы (на юг от озера Воже) связан с внешним миром основным видом транспорта — речным. Далеко не все даже крупные населенные пункты электрифицированы и радиофицированы, хотя работы в этом направлении проводятся. Еще далеко не достаточно развернута культурно-массовая работа, в частности клубная, особенно в сельской местности.

Уже на пароходе Вологда—Кириллов мы начали активные поиски исполнителей фольклора, особенно рассказчиков сказок, легенд, анекдотов и т. д. Словоохотливый пассажир Василий Степанович Сметанин из дер. Бор, по специальности, как он отрекомендовался, «гармонный мастер», назвал нам несколько известных ему сказочников, в том числе своего односельчанина Дмитрия Калина, 82 лет, который по словам Сметанина, сказки рассказывать «может подряд по три ночи», и Николая Александровича Громова из дер. Быково; исполнителя старинных и современных песен Алексея Васильевича Вересова и плакальщицу Павликову (имя и отче-

[3] Там же, стр. XVIII.
[4] Там же, стр. XXXIX—XL.
[5] Там же, стр. V, VIII.

ство ее Сметанин не мог вспомнить) по прозвищу «Карпуниха» — оба из дер. Горшково. К сожалению, всеми сведениями нам не пришлось воспользоваться, главным образом потому, что адресаты проживают на значительном расстоянии от нашего маршрута. На канале у дер. Красной, перед заходом в озеро Кошемское, к нам в каюту спустились два парня. Разговорились. Один из них, Виктор Васильевич Цепляков, рассказал нам два местных предания — одно о панах, другое о силаче Афоне, — которые когда-то слышал от своей 70-летней матери. Излагались предания не всегда последовательно, но по подробностям было видно, что в памяти рассказчика они держатся крепко.

Город Кириллов и примыкающие к нему деревни в отношении сказок ничего не дали. Правда, на одного рассказчика нам указали — это Павел Кириллович Болдин, проживающий на Опшаре (одна из окраин Кириллова). Болдин — пенсионер, охотник, рыболов, любитель природы, грамотный, общественник. По его словам, сказок не знает, но охотничьи «истории» рассказывает, сочиняет стихи. Охотничьи «истории» мы записать от Болдина не смогли, он срочно готовился к выезду в Вологду по делам Общества охоты и рыболовства. Зато он познакомил нас с Анной Александровной Окуневой — участницей хора художественной самодеятельности пенсионеров города Кириллова, оказавшейся очень живой и общительной старушкой. В свою очередь она рекомендовала нам другую исполнительницу песен — Анфию Григорьевну Управителеву, 78 лет. От них и от остальных участников хора (до 12 чел.; их нам удалось собрать в Доме культуры) мы записали ряд песен — современных и старых, с которыми хор успешно выступает перед массовой аудиторией («Среди долины ровные», «Варяг» и др.), — а также песни, сочиненные самими участниками хора: «Совет женихам», «Ю. Гагарину» и др.

В дер. Ферапонтово нам указали на двух сказочников — Семена Васильевича Ульянова из дер. Шишкино и Иллариона Акимовича Гагарина из дер. Белоусово. В округе их знают главным образом по прозвищам: первого — Сеня Мóрка, второго — Ларя. И когда мы, например, пытались выяснить некоторые подробности о Семене Ульянове и называли его настоящее имя и фамилию, местные жители недоумевали: «Семен Ульянов? Живет в Шишкино? Нет, не знаем такого». — «Ну, а Сеню Мóрка знаете?» — «Ах, Сеню Мóрка! Как же, как же, живет там! . . Сеня до сказок ловóк». Судя по его популярности, на Семена Ульянова как на сказочника мы возлагали большие надежды. На деле же выяснилось, что сказок он не знает. Перед нами был типичный деревенский острослов, шутник, с виду несколько простоватый, а на самом деле довольно смышленый и не без юмора старик. «Моя башка, — с лукавой улыбкой заявлял он, — не из крапивного мешка». Умение складно, в рифму говорить, быстро откликаться на злобу дня — вот что снискало Семену Ульянову широкую известность. Его шутки и остроты имели ту особенность, что произносились к слову или приноравливались к событиям и не закреплялись в памяти их импровизатора-исполнителя. А что Мóрка умеет потешать людей своими шутками-прибаутками — об этом мы слышали неоднократно от многих людей. Вот, например, что говорила нам жительница дер. Яршево А. А. Баскакова, у которой мы останавливались на ночлег: «Случилось с Сеней Мóркой ехать из города. Так, поверите ль, всю дорогу он нас занимал. Надрывались от смеха. Уморил. Да так ловко рассказывал, так складно». Очень часто едкие замечания Мóрки направлены против непорядков в колхозе, проявлений бесхозяйственности: «Председатель [колхоза] должен трудиться так, чтоб колхозники получали — головами не качали», «Председателю колхоза надо чаще по полям топать,

тогда колхозники будут хорошо лопать» и т. д. (запись М. А. Вавиловой).

Две встречи на пути в дер. Белоусово, куда мы отправились 6 июля к Иллариону Гагарину, окончательно нас убедили, что молва о нем как о сказочнике идет не зря. Первая встреча произошла близ Ферапонтова монастыря. Уточняя дорогу на Белоусово, мы обратились к одному встречному старику. С большой готовностью он объяснил нам, а потом поинтересовался «зачем». Мы рассказали. «Знаю, знаю Ларю. Да и как не знать! С ним когда-то работали в карьере. Ничего не скажешь, мастер сказки рассказывать». Вторая встреча состоялась в дер. Загорье. Старушка Аполинария Исакова, рассказав нам сказку «О царевне-безручке», не без гордости добавила, что слышала ее от Лари еще в молодости, на беседах. «Придет, бывало Ларя, а мы девки, вяжем косынки. Усядется посреди избы, и почнет рассказывать. Двое моих робят ходили в Белоусово слушать его сказки уже после последней войны. Мужиков, баб полна изба набьется, слушают Ларю. Складно говорит... Тот знает, так знает их много». Деревня Белоусово находится по соседству с Загорьем. Изба Гагарина оказалась самой крайней. Ларя работал в огороде, окучивал картошку. Его окликнули. И вот перед нами среднего роста, еще крепкого телосложения старик. У него открытое, мужественное лицо с глубокими морщинами, узловатые, натруженые руки. Ларя гостеприимно приглашает нас пройти в избу, но мы, пользуясь установившейся ясной и теплой погодой, предпочитаем первую беседу со сказочником провести на крыльце.

Ларе — 70 лет (рожд. 1892 г.). За его плечами — десятилетия тяжелой трудовой жизни. До 12 лет ходил по деревням, собирал милостыню. В молодости нужда часто отлучала из дому на заработки. Работал на Амуре, в Заонежье и других местах России. Сплавлял лес. В карьерах на тачках возил землю. Служил в царской армии и рядовым участвовал в войне 1914 г. Приходилось встречаться со многими людьми. Но где бы Ларя ни был, куда бы ни забрасывала его судьба, он везде старался прислушиваться к тому, что говорят. А раз прослушав — запоминал: память была крепкая. По началу сказки Ларя сказывал для забавы девчатам и парням, а потом мужикам. «В 20-е годы, — вспоминает сказочник, — один белозерский купец очень любил слушать меня. Нанимал даже на целую зиму сказки сказывать, брал на все довольствие да в придачу 10 пудов хлеба обещал. Не сторговались. Я просил 15. А впрочем за рассказывание сказок я от него подарок получил — меховую шапку». По характеру репертуара и манере сказывания Ларя во многом напоминает Ф. П. Господарева. «Есть, — говорит он, — у меня сказки и короткие и длинные, скоромные и постные — всякие». Рассказывает Ларя волшебно-фантастические и бытовые сказки, сказки-анекдоты — и все с незаурядным исполнительским мастерством, красочно, живо, увлекательно. Речь его плавная (в интонации она изменяется лишь при передаче разговора сказочных персонажей), спокойная; движения до предела ограниченные; излюбленная поза при рассказывании — сидеть, положа ногу на ногу.

Из волшебно-фантастических сказок мы прослушали от Лари «Иван Лукичев» (Андреев 552 «Животные-зятья»), «Василий Стрельцов» (Андреев 222* В «Мышь и воробей»; 313 «Чудесное бегство»), «Безручка» (Андреев 706), «Диво дивное» (про лесника и его необычные приключения); из бытовых — «Как я женился» (шутка). Насколько Ларя придерживается традиционной передачи, можно судить вполне по сказке «Василий Стрельцов». Завязкой служит известный эпизод о ссоре мыши с воробьем. При изложении самого сюжета строго соблюдается троичность (три сестры, три змеи о трех, шести и девяти головах, и т. д.),

сохраняются многочисленные сказочные формулы: «Ни в сказке сказать ни пером описать», «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается», «Избушка, избушка, стань к лесу задом, к морю передом», «Никакой зверь не пробегал, ни одна птица не пролетывала» и т. п. Из зачинов Ларя, по его словам, знает один, который и использует по своему усмотрению в любой из долгих сказок: «Не в котором царстве, не в котором государстве, именно ж в том, как и мы живем, на гладком месте, как на бороне, верст за двести в стороне. Там жил был царь Картаус, надевал на кляп арбуз, на самый конец огурец, и выходил хороший молодец». Этот сказочный зачин Ларя передает, как он выразился, в «скором виде». Наряду с устоявшимся и традиционным сказки отражают и отдельные индивидуальные черты рассказчика, и некоторые подробности северного быта. Особенно запоминаются характерные для вологодских лесов «коровьи тропы», которых неизменно придерживаются в своих скитаниях герои сказок Лари.

Судя по прослушанным и записанным текстам, а также по его популярности среди местного населения, Ларя несомненно принадлежит к замечательным сказочникам края, и надо ожидать, что углубленная стационарная работа, которую намереваются провести с ним фольклористы Вологды, даст отличные результаты.[6]

В дер. Березник на «Горбатом Раменье», во времена Соколовых очень богатом сказочной традицией, нам удалось познакомиться со сказочником Степаном Егоровичем Петрушевым. Ему 50 лет, но выглядит он старше. Худощав, небольшого роста, остролицый, голову держит немного набок. Первый раз мы его застали в избе. В кругу небольшой семьи (жена и дочь) он сидел на лавке за столом в потрепанных старых валенках (несмотря на лето), в синей поношенной рубашке-косоворотке с открытым воротом, в заплатанных штанах. Особенно небрежный вид придавали ему взъерошенные редкие волосы. После небольших отговорок он под назойливое ворчанье жены («Довольно болясничать, надо картошку окучивать») начал рассказывать нам долгую сказку «Про одиннадцать богатырей» (сюжет авантюрный), но до конца не довел (жена помешала). Конец ее мы прослушали и записали на следующий день вместе с другой сказкой «Знахарка» (Андреев 1641). Сказки С. Е. Петрушева содержат много бытовых подробностей и собственных, иногда метких наблюдений; язык несколько модернизирован. С. Е. рассказывает торопливо, с большим увлечением. Отношение к сказочным героям — самое непосредственное; С. Е. склонен к балагурству. Эта черта иногда проступает в сказках, но особенно в обыденном разговоре, при котором с языка его часто слетают рифмованные слова, прибаутки, пословицы и поговорки.

Третьим популярным сказочником на нашем маршруте оказался Сергей Алексеевич Абрамов, житель деревни Ивашково. Несмотря на свой 66-летний возраст, он не бросает работу в колхозе. В отличие от двух предыдущих сказочников С. А. — грамотный, начитанный человек. Из родных мест отлучался только с 1915 по 1923 г. (военная служба), остальное время крестьянствовал. В период Отечественной войны работал председателем колхоза. С 9—10 лет — страстный рыболов и охотник. С. А. Абрамов преимущественно сказочник-новеллист. Рассказывает спокойно, уверенно, покуривая трубку. Речь близка к литературной. Все прослушанные сказки С. А. — сравнительно небольшого размера, компактны, с хорошо отработанной диалогической формой; среди них есть по-настоящему социально острые, таковы, например, «Про Кирьяка» (как

[6] Зимой 1962/63 г. М. А. Вавилова уже записала от него около 30 сказок.

солдат генерала провел), «Никита Дупленский» (Андреев 1380 «Никола Дупленский»), «Петр I и мужик» (Андреев 921 I А «Куда тратятся деньги»; последняя с некоторыми положениями не для печати), «Беспечальный монастырь» (Андреев 922). Кроме сказок, С. А. рассказывает предания (о кладах) и исполняет песни («Самоходочка» и др.).

Из сказочников и анекдотистов восточного берега озера Воже (Вожегодский район) достойны быть упомянуты трое: Татьяна Андреевна Усова (дер. Мытник), Николай Федорович Шилов (дер. Строкавино) и Александр Степанович Назаров (дер. Конгатома).

Т. А. Усова — бойкая, словоохотливая и приветливая 62-летняя старушка. Живет одна в собственном доме, нянчит внучку (дочь находится в семье мужа в той же деревне). Т. А. — и сказочница, и песенница. Свой сказочный и песенный репертуар она почерпнула главным образом от отца и бабушки, живя до замужества в соседней деревне Кутилове — на родине былинщика и сказочника Андрея Ганова. «Мой отец, — вспоминает Т. А., — гулял вместе с сыном Андрея Ганова — Алексеем. Ходил в их избу слушать сказки. Бывало ужинать пора, мать посылает: „Сходи, зови отца". Придешь, а там — полная изба мужиков, а он все сказки рассказывает». В свою очередь отец Т. А. любил сказывать сказки своим детям. «Бывало зимой сидит, — добавляет к своим воспоминаниям Т. А., — расчесывает шерсть или вяжет варежки и сказки рассказывает, а мы хохочем, не задремлем». Веселый репертуар отца, вероятно, во многом определил и характер репертуара дочери. Из сказок в нем встречаются такие, как «Про Ивана-дурака» (Андреев 1696 «Набитый дурак»), «Про Ивана-дурачка и его двух братьев» (Андреев 1600 А «Дурак-убийца»). Из песен излюбленными являются «Баба деревенська в лаптях», «Лапушка-матушка, брюшко болит!». Как сказки, так и песни Т. А. исполняет уверенно, с чувством и любовью и с тем художественным темпераментом, который свойствен поэтически одаренным натурам.

Н. Ф. Шилов, рожд. 1892 г., — грамотный, продолжительное время служил в армии. Уйдя на пенсию, он по мере сил продолжает оказывать помощь колхозу, одним из организаторов которого являлся. Беда Н. Ф. в том, что он изрядно выпивает. На Пуниме известен как рассказчик-анекдотист. В его репертуаре особое место занимают сатирические произведения на тему «поп и работник».

А. С. Назаров, 78 лет, довольно бодрый и общительный старик, грамотный (самоучка). От него записаны сказки: «Про Ивана Митрича» (записана частично на магнитофон, частично от руки), «Петр I и солдат» (Андреев 952 «Царь и солдат») (записана в сокращенном виде), «Иван-дурак» (Андреев 531 «Конек-горбунок») и некоторые другие сказки, главным образом анекдотического характера. Сказки А. С. Назарова — бытового характера. Волшебные сказки, видно, его не привлекают. Единственная сказка из этой группы — «Иван-дурак» — представляет весьма схематичный и урезанный пересказ «Конька-горбунка». В противоположность этой сказке все другие — с явно новеллистическим уклоном — излагаются А. С. Назаровым подробно и живо. Чувствуется постоянное стремление рассказчика выдать сказку за быль, окружить ее такими реалиями, чтобы слушатель не мог подумать, что это вымысел. Так, действие сказок он пытается перенести в наше время (правда, делает он это не всегда последовательно и удачно), героев сказки наделяет собственными именами и даже отчествами: Иван Митрич, Михаил и Авдотья, Василий и Анна и т. п.; конкретизирует обстановку, указывая, например, что мужик Михаил и баба Авдотья живут не просто в одной

деревне, а в деревне, которая насчитывает 70 дворов, и т. п. В бытовых сказках А. С. Назарова встречается пословичный материал. В этом отношении весьма примечательна сказка «Про женину верность», своеобразная мораль которой выражена следующим образом: «Жену люби до крайности, не сказывай все тайности».

Наряду с записями сказок от известных среди населения исполнителей, ряд текстов мы записали от случайных рассказчиков: Степана Михайловича Иванова, 64 лет (дер. Олютинская) — «О поповом сыне» (Андреев 301 А, 513 А), сказка с оригинальной завязкой: кража у попа заветного креста (к сожалению, из-за срочности нашего отъезда сказка записана частично); Андриана Ивановича Абрамова, 79 лет (дер. Ромашево) — «Царские сыновья» (Андреев 551 «Молодильные яблоки), «Про девушку, змея, паренька и жандарма» (Андреев 300).

Всего от 14 рассказчиков нами записано (от руки и на магнитофон): сказок — 24 (из них записано 4 не полностью и 1 в кратком изложении); анекдотов — 4; преданий — 9; воспоминаний-рассказов — 11. Как нам удалось установить, помимо сказочников среди определенной части населения продолжают пользоваться популярностью пересказчики различных литературных произведений. К таким пересказчикам, например, принадлежит грамотный старик Александр Андреевич Ёушин из дер. Конечное, в обширном репертуаре которого имеется и «Повесть о капитане Копейкине».

Не преследуя цель собирания всех жанров фольклора, мы, однако, там, где это было возможно и не шло в ущерб нашей основной задаче, записывали песни, частушки, пословицы и поговорки. Всего экспедицией собрано более 50 песен, около 200 частушек и свыше 50 пословиц и поговорок. Кроме того, от Василия Степановича Карпова (дер. Никольское) нам удалось записать на магнитофон в пересказе отрывок из былины «Добрыня Никитич» (о женитьбе Алеши Поповича) и «Сказку об Илье Муромце и Соловье-птице разбойнике», исполнявшихся его отцом, С. В. Карповым (Соколовы, стр. 301—302). Не вдаваясь в причины явления, следует подчеркнуть, что из старинных песен широкой популярностью пользуются разрозненные и оторванные от обряда свадебные песни. Впрочем, еще можно встретить людей, которые хранят в памяти весь свадебный обряд с сопровождающими его песенными текстами (например, Дмитрий Долинин из дер. Строкавино).

«Сказка действительно живет здесь полной жизнью» — к такому заключению пришли бр. Соколовы в результате двух своих поездок в Белозерский край в 1906 и 1909 гг. Собранный и опубликованный ими материал наглядно подтверждает верность их наблюдений и выводов. Как известно, собирателям удалось выявить 47 сказочников и записать от них 163 текста, причем на маршрут Кириллов—Вожега, которого придерживались и мы, приходится 97 записей.

Какова же интенсивность бытования сказок в наши дни? Рассказываются ли они сейчас или только пассивно хранятся в памяти сказителей? Конечно, на основании только одной, причем кратковременной маршрутной экспедиции и при очень узких территориальных границах обследования трудно представить себе жизнь сказки в пределах края и области. И все же некоторые из общих характерных черт уловить можно. В наше время уже нельзя утверждать, что сказка в Белозерском крае живет «полной жизнью». Однако несомненно, что традиционная сказка и анекдот все же продолжают здесь жить в устной передаче, находят среди

местных жителей исполнителей и слушателей. Весьма примечателен тот факт, что молва о незаурядных рассказчиках сказок распространяется очень широко, иногда за десятки километров от их постоянного местожительства. О том, что сказки рассказываются, нам говорили многие — и слушатели и исполнители. Приводим несколько свидетельств на этот счет.

Девочка 11—12 лет (на пути в дер. Загорье): «Есть в нашей деревне бабушка Поля, фамилия Исакова. На днях она ребятишкам сказку рассказывала. Я сама слушала».

Мальчик 13 лет (дер. Березник; присутствовал в избе при записывании сказок от С. Е. Петрушева): «Сказки дяди Степана слушал этой зимой. Один раз. Ребятам сказывал».

Мальчик 6—7 лет (на пути в дер. Ромашево): «Мой дедушка Андриан [А. И. Абрамов] сказки знает. Лежит зимой на печке и рассказывает, а мы слушаем».

Мальчик-пастух 15 лет (дер. Олютинская): «Моя бабушка Амросова Ксения (живет в Тимошино, отсюда 12 км) много сказок знает. Я с ребятами слушал, только ни одной не помню».

С. А. Абрамов (дер. Ивашково): «У костра на рыбалке часто встречался со сказочником из дер. Б. Палшино Петром Евграфичевым (умер два года назад). Однажды на переменках с ним девять ночей подряд проговорили. И никто из рыбаков не спал. Говорили всё, что знали, — и были и небылицы. Наконец нам сказали: „Хватит, дайте, наконец, отдохнуть!“ ... А то вот на колхозной косьбе дело было, косил с ребятами. Так во время отдыха они приставали: „Давай, дядя Сережа, сказки сказывай“. Им не отказывал».

Т. А. Усова (дер. Мытник): «Идем на поле, сядем у изгороди. Бабы и мужики: „Расскажи что-нибудь, Татьяна“. Ну, и расскажешь им какую ни есть старинку. Смеются. А потом, притворы, говорят: „мы не слышим! повтори!“. И еще расскажешь — жалко что ли? А они от смеха так по траве и покатываются».

А. С. Назаров (дер. Кингатома): «Намедни ехал по железной дороге из Северодвинска. Соседями по вагону были два военных — полковники. Направлялись в Москву. Попросили меня: „Дедушка, расскажите сказочку, только поинтересней“. Так всю дорогу до Вожеги и рассказывал „Про Ивана Митрича“ и про бабу, которая взялась мужикову работу выполнять. Хохотали».

Мы привели часть сведений о бытовании сказки — из тех, которые имеются в нашем распоряжении. Было бы, однако, неверно и односторонне ограничиться этим. Нельзя недоучитывать целый ряд обстоятельств, отрицательно влияющих на бытование как сказок, так и традиционного фольклора вообще. Некоторые из сказителей (например, Ларя) сетовали — и не без основания — на почти полное отсутствие в деревне молодежи и людей среднего возраста, составлявших в 20-30-е годы основную аудиторию слушателей. Исчезли и некоторые виды работ, способствовавшие развитию сказочной традиции, например помол зерна на мельницах-ветрянках или, как их здесь называют, толчеях, в настоящее время бездействующих и находящихся в разрушенном или полуразрушенном состоянии.[7] Значительно снизился, по нашим наблюдениям, интерес детей к устной сказке. Во всяком случае, большинство из опрошенных нами отвечали, что сказки они читать читали (особенно Пушкина), но в деревне своей слушать не приходилось и кто рассказывает — не знают.

[7] «В 20-е годы, — рассказывает А. И. Абрамов, — у меня была мельница. На помол разом съезжалось человек десять крестьян. И вот засыпем зерно, толчея рабо-

Приходится, к сожалению, отметить элементы недооценки и даже пренебрежительного отношения к произведениям народного творчества. Так, в г. Кириллове руководитель хора художественной самодеятельности пенсионеров, жаловалась А. А. Окунева, не разрешил на сцене выступать с песней «Жил я, был я молодец»; по словам той же Окуневой, хору запретили исполнять частушки под пляску — «это, мол, неприлично». И среди сельского населения нам попадались, правда как исключение, люди, смотрящие на традиционное народное творчество как на пережиток далекого прошлого, не заслуживающий никакого внимания. Именно такое презрительно-насмешливое отношение мы наблюдали к песням и сказкам Т. А. Усовой со стороны ее замужней дочери, работающей почтальоном.

Со времени пребывания братьев Соколовых на маршруте Кириллов — Вожега прошло свыше 50 лет, и, естественно, очень немногие из местного населения помнят их. Сошли в могилу и все соколовские сказочники. Последний из них, Александр Иванович Синицын, о котором собиратели отзывались как о молодом, «весьма талантливом» рассказчике, умер два года тому назад. Приезд в такую глушь да с такими необыкновенными целями, как собирание фольклора, «ученых из Москвы» воспринимался здесь как из ряда вон выходящее событие, и оно, конечно, не могло не врезаться в память немногих из оставшихся в живых свидетелей.

Елена Семеновна Семенова — дочь дьячка и сказочника С. Семенова (местечко Поповка) — вспоминает: «Их было трое молодых ребят — москвичей: один жгучий брюнет, два шатена — близнецы Юрий и Борис, очень похожие друг на друга. Чтобы их могли отличить, они носили разного цвета рубахи. Был у них фонограф. На фонограф записывали от моего отца песню: „Хорошо ли вам, робятам, в Москве пожилося?“. Потом отца фотографировали во всем охотничьем снаряжении... Останавливались они в доме священника, что напротив. Сказки Созона [Петрушева], Василия [Богданова] и моего отца прослушивали в церковной келье — большой пятистенной избе (ее теперь нет — снесли). Сидели наскрозь ночь, а днем отдыхали, помогали Созону колоть дрова. Вечером же опять забирались в келью. Слушали сказки и громко хохотали... И еще помню: семечками деревенских ребят засыпали».

Серафима Зосимовна Максимова, 70-летняя старушка из дер. Кутилово, рассказывает, что когда она еще в девушках была, «приезжали сюда моськовские парни с граммофоном» (фонографом). «Под граммофон всех старух деревенских созвали. Вот они пропели, а потом возьми кто-то и шепни: „Расписались, теперь попадет всем“. Напугались старушки и разбежались. Что и говорить, темная тогда деревня была: ведь что думали, — в трубе черт сидит».

Значительное количество сведений мы собрали от населения о некоторых соколовских сказочниках. Эти сведения позволяют в одном случае подтвердить, в другом несколько дополнить и уточнить их характеристики, приведенные в сборнике «Песни и сказки Белозерского края».

О С. И. Семенове (Соколовы, стр. 150): «Отец мой страстный рыболов и охотник был. За всю жизнь девятнадцать медведей убил, двадцатого задавил. На медведей ходил один. Однажды к ним на „свадьбу“ попал. Перепугался так, что волосы на голове поднялись и картуз сбили.

тает, а мы от нечего делать уходим в избу — и за сказки». И еще: «Хорошему сказочнику на мельнице всегда отдавали предпочтение, — вспоминает В. С. Карпов, — пропускали без очереди молоть, если тот сказки рассказывает».

Выстрелил дробью, — и прямо в глаза медведю. Убил. Остальные четыре убежали. Убитый оказался весом в 19 пудов... Жили мы бедно. Семья была большая, одних детей — двенадцать человек. Но отец никогда голову не вешал, был очень остроумным, живым, смелым и находчивым человеком. Сказки все такие сказывал, что детям не дозволялось слушать. Он завернет штучку, священник поддакнет, а Созон еще расскажет... Любил отец и пошутить, попаясничать, даже при исполнении церковной службы. Вот что он однажды нам рассказывал: „Ходили по приходу в пасху. Зашли в одну избу. В сенях я и прихватил с нашеста хозяйскую курицу, сунул подмышку. Когда отслужили молебен — подал курицу хозяйке. Вот, говорю, прими от жены моей подарок. Хозяйка благодарит да и сует мне вместо одного три яйца. На вторую осень курица пропала (сдохла, значит). И каково было удивление хозяйки, когда она, присмотревшись к „подарку", обнаружила, что курица-то была ее собственная...". Умер отец в 1922 г. Похоронен на „Поповке" близ церкви». (Сообщила Е. С. Семенова, 72 лет, местечко Поповка на Горбатом Раменье).

О Созонте Петрушеве (у Соколовых, стр. 137, «Петрушечев»): «В начале 900-х годов я работала прислугой на Поповке у учительницы Анны Васильевны Коратыгиной. На Поповке тогда было всего четыре строения: церковь, два дома — попа и дьячка — и церковная келья (сторожка). В келье жил Созонт — церковный сторож, и здесь же шли школьные занятия. Тогда мне было 15 лет. Созонт звонил на колокольне часто, часто. Как он сойдет, бывало, с колокольни, мы его и задорим: „Созон-Спиридон, Созон-Спиридон". А он за нами: „Вот я вас сейчас клюшкой-то!"». (Сообщила А. А. Баскакова, 72 лет, дер. Яршево).

«Созон табак не нюхал. У него был хронический насморк. Его дразнили: „Паронос". Рубашку он носил до тех пор, пока не сползет. Прожил на Поповке более 20 лет. Умер от паралича в 1912—1914 гг.». (Сообщила Е. С. Семенова).

О Василии Богданове (Соколовы, стр. 152): «У церковного сторожа Василия Богданова было прозвище: „Пачкóв" (грязнуля)... После смерти Созона поступил на Поповку другой сторож, Денис Кривой. Жил с Пачковым вместе в келье. Ну, Денис был из местных крестьян. Раз привез из деревни мясо. Садятся обедать с хозяйкой со своей. Приносят блюдо, а на нем большой кусок мяса, да и кость не меньше куска. Пачков лежит в углу и спрашивает: „Кому кость-то?" А Кривой и говорит: „Тому, кто кос" (Пачков косил изрядно). Пачкова и взорвало: „Кто, — говорит, — крив, тому три"». (Сообщила Е. С. Семенова).

О Павле Савичеве (у Соколовых, стр. 165, «Павел Колдун»): «Павел — мой дедушка — слыл за колдуна. Врачевал скотину. Дома не уживался, ходил по людям. Там и сказки сказывал. Раз у нас корова заболела. Во! раздуло. Бабушка и говорит: „Беги за Павлом". Прибежал. Так и так. А он такой совет дал: „Найди девятое ребро у коровы и надрежь кожу". Ну, я в то время мальчиком был! разве мне справиться одному? Все же дед Павел сам пришел и указал мне: „Вот здесь режь". Надрезал. — „Теперь, — говорит, — возьми сверни жгут из соломы и три бока". Так я и сделал. Как воздух засвистел в эту ранку. Корова и выздоровела». (Сообщил внук П. Савичева, дер. Березник на Горбатом Раменье).

Об А. М. Ганове (у Соколовых, стр. 197, «Ганин»): «Дед Андрей рассказывал на лесозаготовках. Набьются в избушку человек 10 и просят его: „Расскажи что-нибудь, дед". Он и начнет врать. В вечер несколько сказок пересказывает... Шатался по пивоварням. За сказочку

пивом поили... Дожил Андрей до глубокой старости, впал в детство, но сказки не переставал сказывать ребятам. Бывало они приступят к нему: расскажи, да расскажи, а он: „Напойте чайком, расскажу“ (старик до чая большой охотник был!). Вот они приставят трубу к пустому самовару, а он им и рассказывает без конца. Смотрю, смотрю на них, а потом пристыжу: „Зачем, ребята, дедушку обманывать?“. Поставлю самовар и напою его. Умер Андрей 90-летним стариком». (Сообщила С. З. Максимова, дер. Кутилово).

«Андрей рассказывал (петь он не мог) об Илье Муромце и Соловье-разбойнике, Бове королевиче. От него слышал, но не перенял». (Сообщил И. М. Якуничев, 75 лет, дер. Кутилово).

Об И. М. Гадинине (Соколовы, стр. 259): «Дедушка понятливый был. Даром что неграмотный, а знал много. Сказки, помню, рассказывал в избушке рыбаков на Воже. Там деревенский покос был. Бабы и мужики слушали. Рад бы уснуть, а он сказки говорит одна другой интересней». (Сообщил племянник И. М. Гадинина, дер. Прокуфинская).

Об А. И. Синицыне (Соколовы, стр. 274): «Был такой старик в Никольской. Шутник. Помер 2—3 года назад. Широко знали в округе. У него заводишко когда-то был — деготь гнал. Приезжал к нам в деревню [Строкавино] каждую весну с дегтем. Не обходилось без сказок. Сказывал, помню, на бревнах у часовни. Смеху было...». (Сообщил Н. Ф. Шилов, дер. Строкавино).

О С. В. Карпове (Соколовы, стр. 277): «Отец рассказывал и пел старины. Кое-что и я перенял от него и тоже рассказывал, но сейчас многое забыл. Впрочем, могу не полностью рассказать об Илье Муромце и Соловье-разбойнике и женитьбе Алеши Поповича». (Сообщил В. С. Карпов, дер. Никольское).

Материалы экспедиции (записи текстов, наблюдения и т. п.) подтверждают, что русская традиционная сказка и в наши дни продолжает бытовать среди населения Белозерья, хотя далеко не так интенсивно, как во времена Соколовых (начало XX в.). Среди выявленных экспедицией сказочников встречаются и подлинные мастера с довольно устойчивым репертуаром и солидным сказительским опытом (Илларион Гагарин, Сергей Абрамов). Такие сказочники и сейчас пользуются широкой известностью среди местного населения.

Наш опыт поездки в Белозерье показал целесообразность организации повторных маршрутных экспедиций — как для уяснения эволюции фольклорного репертуара и интенсивности его бытования, так и для получения необходимых данных, которые могут быть использованы при развертывании дальнейшей стационарной работы с выявленными исполнителями народного творчества.